

А.Я. Цечоев
Ингушский государственный университет

РЕЛИГИОЗНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ У ИНГУШЕЙ И ПРИНЯТИЕ ИСЛАМА В XVIII–XIX ВВ.

Религиозный плюрализм – сосуществование трех различных конфессий у ингушей и их происламская ориентация являются предметом анализа предлагаемой статьи. В результате был создан прецедент мультикультурного российского общества на Северном Кавказе.

Ингуши, христианизация, крещение, языческие верования, ислам, российская политика.

Основной задачей исследования является доведение до исследователей и научной общественности, занимающихся аналогичной проблемой, идеи об объективном характере процессов, связанных с выбором идеологии.

Объектом исследования является анализ практики формирования мультикультурного российского общества на Северном Кавказе на примере ингушей. Предметом исследования является изучение специфики становления единой религиозной идеологии у ингушей, основанной на исламе.

В качестве источников при составлении статьи были использованы материалы и документы из фондов Российского военно-исторического архива (РВИА), сочинения нарративного характера таких авторов, как П.Г. Бутков, Г. Вертепов, Н.Ф. Грабовский, И. Пантюхов, У. Лаудаев. В работе также использованы материалы из Актов Кавказской археографической комиссии (АКАК). При анализе источников автор опирался на методологический принцип научного историзма, предусматривающий то, что анализ, оценки и выводы должны базироваться преимущественно на источниках, которые представляют собой документальную, научную основу исследуемой темы и соответствуют ее хронологическим рамкам.

Под религиозным плюрализмом следует понимать одновременное сосуществование различных конфессий, что имело место в истории ингушей до середины XIX в. Религия как форма идеологии в консолидации народов на определенных этапах их развития сыграла ключевую и определяющую роль. Принятие веры или ее переориентация у народов, у которых этот процесс имел место, происходили через экстрим и были сопряжены с человеческими жертвами и духовными страданиями. Так, крещение Руси в 988 г., которое имело целью консолидацию разрозненных восточнославянских племен в единое государство, происходило с большими проблемами. Как пишет С.В. Бахрушин, в больших городах, таких как Киев и Новгород, жителей крестили, «загоняя в реку, как стадо»; одни крестились добровольно, а другие из-за страха перед повелевавшими. Но масса населения оставалась языческой еще в XI веке [1, с. 36].

Другой наглядный пример религиозной идеологии как существенного фактора консолидации – антиколониальная война горцев Дагестана и чеченцев в XIX в. При экстраполяции на другие народы эти факты становятся фактором, представляющим собой эффект религиозной идеологии в консолидации социума, что имело место в том числе в истории ингушей.

Учитывая консолидирующий эффект религиозной идеологии и имея стремление к интеграции народов Северного Кавказа в свой состав, Россия была заинтересована в распространении христианской религии среди местных народов. Религиозный фактор был также в числе актуальных в решении геополитических проблем в регионе, когда наряду с Россией Турция и Персия имели геополитические интересы на Северном Кавказе. Российской власти на Кавказе необходимо было ослабить и при возможности исключить исламский фактор, а для этого – приобщить местное население края к христианской идеологии и культуре. В контексте этого следует понимать цитату из речи царя Николая I от 1846 г.: «Не судите о Кавказском крае как об отдельном царстве, Я желаю и должен стараться сливать его всеми возможными мерами с Россиею, чтобы все составляло одно целое» [7, с. 89].

В контексте российской политики на Кавказе следует рассматривать и то явление, что серьезным препятствием к формированию российской идентичности были грабительские походы представителей местных мусульманских народов на соседние христианские народы, с чем решительно боролись российские власти с самого начала. Объектом грабительских походов чаще становились Грузия, Кахетия, Армения, по поводу которых грузинские историки выдвинули концепцию «Лекионаба» – «Лезгинщина» [5]. По мнению В.Н. Гамрекели, «стремящаяся к дальнейшему имущественному и социальному возвышению общинная знать так же, как и ищущая источники удовлетворения своих минимальных нужд обедневшая часть общинников, т.е. эти оба слоя оказались заинтересованными в поисках во вне удовлетворения своих потребностей в материальных средствах» [6, с. 28].

Становление единой религиозной идеологии у ингушей – сложный и продолжительный процесс, на

который обращали внимание многие современники, в том числе Н.Ф. Грабовский: «Можно однако же предполагать, что весь этот религиозный сумбур возник... от частых переходов от христианства к магометанству, которые выпадали на долю этих горцев в разные эпохи появления между ними иноплеменных пришельцев» [8, с. 19].

Источники и литература подтверждают факт исповедания ингушами христианства, которое «начинало проникать в сознание ингушей из соседней Грузии в XII–XIII вв.» [31, с. 218].

Наряду с христианством и до распространения ислама среди горных ингушей в разной степени сохранялись языческие верования, что создавало религиозный плюрализм – параллельное сосуществование религий и верований. По поводу языческих верований ингушей сохранились противоречивые сведения, в том числе и от Б. Далгата, который, ссылаясь на графа Потоцкого, путешествовавшего по Кавказу в 1797 г., утверждал, что «лишь немногие из ингушей втайне считались магометанами, а прочие – язычники» [10, с. 53]. Относительно хронологии принятия христианства Б. Далгат отмечает, что «ингуши были язычниками и лишь с XVIII в. вновь обращаются в христианство» (Там же).

Однако утверждение о том, что ингуши до конца XVIII в. в значительном большинстве оставались язычниками, не вызывает доверия. Очевидно, что здесь речь идет о пережитках, что также может подтверждаться другими авторами. Так, А.Ф. Грабовский во второй половине XIX в. отмечал, что «джераховцы, кистинцы и галгаевцы считают себя магометанами, но вместе с тем у них встречаются некоторые христианские и языческие обряды; особенно резко выделяются последние, в 1865 году еще можно было видеть тех людей, на которых лежала роль жрецов исполнителей различных религиозных церемоний» [8, с. 17].

Отголоски язычества – явление, которое наблюдалось не только у ингушей, но также у других мусульманских народов даже в более позднее время. При определении соотношения популярности религий (христианства, ислама) и язычества среди ингушей следует также учитывать мнение Н.Д. Кодзоева, который пишет, что «горцы до середины XIX в. в основной своей массе оставались язычниками» [13]. Имеется в виду, что религиозный консерватизм был характерен преимущественно для горцев-ингушей, которых в соотношении с плоскостными жителями было значительно меньше.

Итак, в начале XVIII в. у ингушей был очевидный религиозный плюрализм, когда христианство, ислам и язычество сосуществовали.

Подобная ситуация с религиозной идеологией не соответствовала политике российских властей, которые усматривали прочность государственных устоев в господстве единой религии и идеологии на территории всей Российской империи. Поэтому условием принятия местных народов, в том числе ингушей, в состав России было крещение. Так, в Акте о принятии подданства России 1810 г. «ингуши обязались не допускать мулл в свои селения и не строить мечети...» [11, с. 228].

Политика христианизации началась задолго до принятия ингушей и осетин в российское подданство.

Так, в 1744 г. была учреждена комиссия «по обращению осетинцев и ингушевцев в христианство» [20, с. 48], эффект от которой оказался минимальным. За 21 год деятельности комиссии в Ингушетии и Осетии в христианство было обращено 2141 чел. [11, с. 228]. По причине низкой эффективности деятельность указанной комиссии постепенно была свернута. Затем в 1764 г. было решено учредить в Моздоке русскую школу для преподавания новообращенным «закона христианского и российской грамоты», которая тоже не имела значительного эффекта.

Таков был первый результат христианизации местного населения накануне вхождения в состав России, который показал, что политические устремления российских властей не всегда сходятся с идейными предпочтениями местного населения.

Более интенсивно политика христианизации ингушей стала проводиться после принятия присяги и официального вхождения в состав России в 1810 г. Однако до и после этого события политика встретила сопротивление со стороны народа в пользу ислама. Серьезные разногласия по поводу принятия христианства имели место с началом правления на Кавказе ген. Ермолова, когда ингуши открыто выразили протест, а в случае насилия были готовы вернуться обратно в горы: «ингуши принять крещение не желают, ...и когда простой народ, совершенно тому противившийся, хотел удалиться на прежнее место жительства в горы, то старшины оставили принятый им закон» [22, с. 507]. По причине категорического отказа принять христианство взамен исламу и язычеству ген. Ермолов в 1822 г. вынужден был выслать обратно шотландского миссионера Блея, прибывшего проповедовать христианство среди ингушей.

Следует отметить, что в 1802–1835 гг. на Кавказе миссионерской деятельностью занималась «Шотландская миссия», которая имела целью «просвещение диких горцев светом христианского учения» [2, с. 311]. Однако деятельность «миссии» была не эффективной, и миссионеры через семь лет из гостей превратились в фактических хозяев и христианские проповеди заменили на торговлю и барышничество.

Позиция ингушей в выборе религии на протяжении всего XIX в. была осторожной и осмотрительной и обусловлена тем, что навязывание христианства со стороны России сопровождалось стремлением внедрить российские порядки в культуру ингушей в ущерб собственной национальной. В борьбе за собственные культурные приоритеты укреплялась национальная идентичность ингушей, которая консолидировала их.

На настойчивость российских властей в крещении местные жители отвечали имитацией. Ингуши неоднократно «принимали» христианство, мотивом к чему было вознаграждение: 50 копеек, холст на рубаху и крестик. По этому поводу Н.Ф. Грабовский отмечал, что «один из стариков рассказывал, что он, подобно другим, несколько раз крестился, чтобы получить – деньги, рубаху и крестик» [9, с. 54].

С учетом обстоятельств методы крещения корректировались. Примечательно, что в документах в качестве официальной доминирует ненасильственный метод крещения: «при привидении ингушей в христи-

анство, отнюдь не употреблять ни угроз, ни какого-либо насилия, а действовать на них средствами кроткими, посредством одного убеждения» [14, л. 8]. Однако, независимо от формулировок в деловой переписи, проблема с христианизацией и методами ее проведения на практике стояла остро.

Когда метод «подкупа населения рублем и ситцем на рубашки» оказался неэффективным власти прибегли к решительным мерам принудительного характера. Так, в 1843 г. к российскому императору обратились депутаты от Назрановского общества которые первым пунктом выразили основную проблему народа: «о не обращении насильно в христианскую религию и о дозволении принявшим уже христианство, обратиться вновь в магометанскую веру» [18, л. 31].

Примечательно, что наряду с приведенными был крайний метод принуждения к принятию христианства – это ссылки. Так, в обращении к императору в 1843 г. депутаты от Назрановского общества просят вернуть из ссылок ингушей. Всего в числе высланных было 30 человек, из них «6 сосланы в Россию за нежелание принять христианскую веру» [17, л. 28]. Таким образом, проблема с христианизацией стояла остро, когда от методов убеждения в 40-х гг. XIX в. российские власти перешли к методам принуждения.

Ответом на острую реакцию ингушей на насилия стало указание российского императора от 13 января 1844 г. «о воспреещении насильственного крещения и, чтобы не преследовать даже тех из христиан, которые не будут в точности исполнять сию веру» [28, л. 52]. На подобные указания сверху власти на местах реагировали лавированием, удерживая местное население от симпатий и тем более, приобщения к антиколонизальной борьбе с другими народами Северного Кавказа.

Христианизация нагнетала социальную напряженность, о чем свидетельствовало то, что в 1836 г. командир Кавказского корпуса предписывает коменданту Владикавказа «строго воспретить мухаммеданам упрекать новокрещенных и издеваться над ними за перемену религии, а последним стараться оказывать всевозможное предпочтение перед мухаммеданами для одобрения и успокоения их» [24, л. 13].

Или же в одном из рапортов отмечается: «Дозволить новокрещенным иметь мельницы на Назрановке, а мухаммеданам устроить таковые на Сунже. Разделить землю пополам, первую половину от речки Назрановки по левой стороне назначить христианам, а по правую к Сунже, мухаммеданам» [25, л. 10–10 об.]. Очевидно, что здесь речь идет о качестве земли и о том, что единый народ разделяют по религиозному признаку.

Противостояние между крещеными и теми, кто оставался в исламе, создавало социальную напряженность. По этому поводу в источнике сообщается, что назрановские ингуши и их родственники «лучше согласятся погибнуть, чем иметь новую христианскую веру, будто бы вынужденно им принятую, рассказывая, что чрез сие прерываются их родства и все связи; ибо по верам, между ними теперь господствующим, не могут они брать за себя в замужество дочерей от мухамедан, в сие равномерно от них, тогда как они один и тот же народ...» [26, л. 16].

На жесткие методы крещения ингуши находили адекватные ответные меры – угрожали уйти к чеченцам, у которых исламская религия уже утвердилась. Так, в одном из документов по этому поводу говорится, что «новокрещенные... имеют намерение бежать с семействами своими в Чечню», а потому предлагаются «всеми мерами убеждения и кротости стараться водворить между ними спокойствие и прекратить их неудовольствия с магометанами» [16, л. 19]. Были реальные прецеденты бегства к чеченцам. Так, в одном из документов говорится, что «упомянутые горцы... могут при подстрекательстве своих родственников, не обратившихся в христианство, предаться вновь беспорядкам и убежать в Чечню, где найдут верное для себя убежище...» [12, с. 21]. Или же в другом аналогичном документе российское командование обеспокоено тем, что та часть ингушей, которая не приняла христианство, уйдет в Чечню и присоединится к имаму Шамилю. По этому поводу комендант Владикавказа Широков 5 марта 1836 г. доносил командиру кавказского корпуса ген. Розену: «В ночь получил я сведение о том, что толпа сия переехала камбилеевский мост, остановилась и учинила по своему обычаю присягу в том, чтобы всем собраться и бежать со своими семействами в Чечню или горы» [26, л. 16].

Интерес к исламской религии среди ингушей был объективно обусловлен тем, что к XIX в. среди дагестанцев и чеченцев ислам был популярен, так как шариат вносил определенный порядок в общественную жизнь. Как утверждает У. Лаудаев, исламскую религию чеченцы приняли от горцев Дагестана и вот по какой причине: «Между тем беспорядки в Чечне увеличивались и дошли до крайнего предела, терпение обижаемых вышло из границ. Народ искал спасения, откуда-бы оно ни появилось. Решаются наконец на последнее средство – принять магометанскую веру, ...коим наслаждались их мусульманские соседи, и чеченцы принимают ислам» [19, с. 27].

Таким образом, притягательная сила ислама была в его социально консолидирующей функции на основе духовно-нравственных начал. А потому «ислам все более становился идеологическим оружием в борьбе против царизма и средством раннеклассовой консолидации части вайнахов. Судя по имеющимся источникам, исламизация охватила сначала плоскостные районы Ингушетии, а в середине XIX в. – и горные» [4, с. 162].

Следует признать, что, несмотря на отдельные проявления, российские власти не были категоричными в вопросе о вере и не отказывали ингушам в свободе вероисповедания, особенно во второй половине XIX в. Напротив, к просьбе «назначить в их селения мулл из других магометанских обществ», отнеслись лояльно и демократично: «избрать из среды себя в муллы достойнейших сего духовного сана и испросить утверждения оных начальству» [15, л. 3].

Подобное либеральное отношение к религиозным предпочтениям местного населения имело реальное подтверждение на практике. Еще в 1836 г. на утверждение Владикавказским комендантом были представлены фамилии 10 мулл для ингушских и карабулакских поселений [30, л. 4–4 об.]. Поэтому не следует одно-

значно интерпретировать методы христианизации российских властей среди ингушей только как насильственные. Благодаря лояльной и взвешенной политике российских властей протесты ингушей против христианизации не обрели консолидированный характер. Также не следует однозначно интерпретировать настроения среди ингушей в продолжении Кавказской войны (на стороне или против российской политики они были).

В период Кавказской войны с учетом реальных условий происходили изменения в настроениях ингушей к российской политике [12, с. 15]. Таков следующий характерный эпизод во время набега войск имама Шамиля в апреле 1841 г. на Назрановскую крепость. В ходе этих событий, по словам коменданта Владикавказского, «часть простого народа еще колебалась и я, призвав 40 человек почетных старшин, представил им всю пользу, какую извлечь народ для себя может, если окажет непоколебимую твердость в случае вторжения скопищ возмутителя, и ручался я честью ходатайствовать у начальства, чтобы милость царская за преданность престолу распространялась не только на них, но даже на потомков назрановских. Старшины желания моего исполнили, уговорили народ...» [27, л. 42]. То есть симпатии значительной части назрановцев были на стороне повстанцев.

В 1841 г. назрановцы приняли деятельное участие в отражении нападения войск Имама Шамиля, а потому за «примерное усердие, преданность и храбрость... при отражении нападения, сделанного мятежником Шамилем на Назрань... в ознаменование оного, Всемилостивейше жалуюм назрановским жителям почетное знамя... и повелеваем хранить оное, как знак Монаршего нашего внимания» [18, л. 31–31 об.]. Тем самым, когда дело коснулось выбора между религией и условиями договора о вхождении в состав России 1810 г., народ остался верен условиям договора, в котором было предписано: «ингуши обязались не допускать мулл в свои селения и не строить мечети...» [11, с. 228].

Несмотря на все старания и усердия российских властей, XIX в. был успешным в распространении мусульманской религии среди ингушей. Хотя некоторые современники и исследователи указывают на середину XIX в. как дату принятия ислама ингушами, здесь надо иметь в виду, что об исламе речь идет не как о господствующей религии, а как о доминирующей, так как даже в середине XIX в. «религия у ингушей составлена из смеси различных вероучений. Большая часть их исповедует мусульманскую религию, другие христианскую и, наконец, встречаются совершенные язычники» [3, с. 18]. В этом состоял религиозный плюрализм ингушей, когда при доминировании ислама сохранялись христианство и языческие верования.

Существенную роль в привлечении ингушей в ислам сыграла Кавказская война, популярность которого у всех народов Северного Кавказа на фоне борьбы за независимость значительно возросла. И если «до появления в начале нынешнего столетия мюридизма чеченцы-мусульмане не были истинными последователями учения Магомета, ...то потом шли в мюриды и

богатые люди... служба мюридом считалась самую почетною» (Там же, с. 20).

В численном выражении степень популярности ислама среди ингушей представил А. Грабовский, согласно данным которого в 70-х гг. XIX в. во всех ингушских селениях существует 35 мечетей. «Валовой расход на мулл со всего населения простирается до 3862 р. 72 к. деньгами и кукурузой на сумму 3539 р. 5 к. т.е. всего 7391 р. 80 к.» [23, с. 52].

В конце XIX в. другой современник писал: «Магометанская религия все глубже и глубже проникает в массы и постепенно уничтожает следы как язычества, так и христианства. ...Нет фактов, чтобы магометане или даже только подвергшиеся влиянию магометане принимали христианство, но есть указания, что язычники-ингуши, даже и бывшие христианами, обращены в магометанство» (Там же, с. 58).

При этом российские власти выделяли средства на открытие исламских образовательных учреждений для ингушей, этот факт свидетельствует о лояльном отношении к религиозным предпочтениям местного народа.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что накануне вхождения в состав России и вплоть до середины XIX в. у ингушей наблюдался религиозный плюрализм.

Объективным стремлением российских властей на Северном Кавказе было распространение единой христианской религии. Однако реальная жизнь показала, что в силу объективных причин и субъективных обстоятельств к концу XIX в. доминирующей у ингушей стала исламская религия.

Позитивная роль России относительно религиозного выбора ингушей была в том, что она не стала насаждать собственную религию и культуру среди народа, который добровольно вошел в ее состав. К концу XIX в. значительная часть ингушского народа исповедовала ислам. Это был один из первых опытов становления многоконфессионального российского общества на Северном Кавказе.

Литература

1. Бахрушин, С. В. К вопросу о крещении Киевской Руси / С. В. Бахрушин // Христианство и Русь : сборник статей / редактор А. Белов. – Москва : Наука, 1988. – С. 31–46.
2. Бутков, П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. : в 3 частях / П. Г. Бутков. – Санкт-Петербург, 1869. – Ч. 3. – 328 с.
3. Вертепов, Г. Ингуши (Историко-статистический очерк) / Г. Вертепов, И. Пантюхов // Сказания об ингушах. – Майкоп, 1991. – С. 5–49.
4. Виноградов, В. Б. Христианизация как фактор социально-политической истории Чечено-Ингушетии в XVI – XVIII вв. / В. Б. Виноградов // Сборник избранных статей В. Б. Виноградова. К 70-летию со дня рождения. – Армавир, 2008. – С. 160–168.
5. Гамрекели, В. Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Гамрекели В. Н. – Тбилиси, 1972. – 29 с.
6. Гамрекели, В. Н. Социально-экономическая почва развития «Лекианоба» в XVIII в. / В. Н. Гамрекели // Мацне (Вестник АН Груз ССР). – 1972. – № 1. – С. 26–27.
7. Гапуров, Ш. А. К 150-летию окончания Кавказской войны: о хронологии, причинах и содержании / Ш. А. Гапу-

ров, А. М. Бугаев, В. В. Черноус // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 4. – С. 86–97.

8. Грабовский, Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа / Н. Ф. Грабовский // ССКГ (Сборник сведений о Кавказских горцах). – Тифлис, 1870. – Вып. III. – С. 1–25.

9. Грабовский, Н. Ф. Ингуши (Их жизнь и обычаи) / Н. Ф. Грабовский // ССКГ. – Тифлис, 1876. – Вып. IX. – С. 1–125.

10. Далгат, Б. К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей : исследование и материалы 1892–1894 гг. / Б. К. Далгат. – Москва, 2008. – 380 с.

11. История Ингушетии : коллективная монография / ответственный редактор Н. Д. Кодзоев. – 4-е изд. – Ростов-на-Дону, 2013. – 600 с.

12. Картоев, М. М. Введение / М. М. Картоев // Ингушетия в политике Российской Империи на Кавказе в XIX в. – Магас, 2014. – С. 5–29.

13. Кодзоев, Н. Д. История ингушского народа / Н. Д. Кодзоев // Internet Archive. – URL: <https://web.archive.org/web/20120511033101/http://ingushetiya.ru.org/history/book/14.html> (дата обращения: 10.02.2025) – Текст : электронный.

14. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13454. Оп. 6. Д. 162. Л. 6–12.

15. Центральный государственный исторический архив Грузии (ЦГИА). Ф. 2. Оп.1. Д. 4423. Л. 3.

16. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 162. Л. 19–19 об.

17. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 366. Л. 28–33.

18. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6429. Л. 31–31 об.

19. Лаудаев, У. Чеченское племя / У. Лаудаев // ССКГ. – Вып. VI. – Тифлис, 1872. – С. 1–27.

20. Мартиросиан, Г. К. История Ингушии. Материалы / Г. К. Мартиросиан. – Орджоникидзе, 1933. – 322 с.

21. Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). – Т. VI. – Ч. II. – Тифлис, 1875. – 507 с.

22. АКАК. – Т. VIII. – Тифлис, 1881. – 532 с.

23. Пантюхов, И. Ингуши (Этнографическо-антропологический очерк) / И. Пантюхов, Г. Вертепов // Сказания об ингушах. – Майкоп, 1991. – С. 56–72.

24. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 162. Л. 13.

25. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 162. Л. 10–10 об.

26. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 162. Л. 16.

27. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 234. Л. 41–45.

28. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 366. Л. 52.

29. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 162. Л. 15–18.

30. ЦГИА Грузии. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4426. Л. 4–4 об.

31. Эльдиев, А. Специфика этно-религиозной ментальности ингушей / А. Эльдиев // Развитие личности. – 2010. – № 1. – С. 211–224.

A.Ya. Tsechoev

RELIGIOUS PLURALISM AMONG THE INGUSH AND THE ADOPTION OF ISLAM IN THE 18th–19th CENTURIES

Religious pluralism, coexistence of three confessions among the Ingush, and their pro-Islamic orientation are the subject of the analysis of the article. The author describes a precedent of a multicultural Russian society in the North Caucasus.

Ingush, Christianization, baptism, pagan beliefs, Islam, Russian politics.